

18+

Игорь Федоров

На окраине неба

Игорь Федоров

На окраине неба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57282730

ISBN 9785005119438

Аннотация

Сборник стихов поэта Игоря Фёдорова, победителя проекта «Ритмы вселенной» за 2020 год. В сборник вошли избранные стихотворения автора.

Содержание

На окраине неба	6
Петербургские встречи	8
Мечты	8
Бродский	10
Mon amour	13
Простая история	15
«Летний сад, деревья в инее...»	17
Босой декабрь	19
По воде – водой	20
Утреннее	22
Питер. Ночное	24
Петербургская осень	26
Подоконники	28
Тишина в Петербурге	29
Падал день	31
Свечи плачут	33
Эклектика	34
Чат	36
Истории ушедших в облака	38
Москва-Питер-транзит	38
Две чашки	40
Там, где розовым – стаи фламинго	41
Я приду к тебе нечаянно	43

Поэту	45
Голоса	47
Одна	49
Стучалось солнце	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

На окраине неба

Игорь Федоров

© Игорь Федоров, 2020

ISBN 978-5-0051-1943-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На окраине неба

Федоров Игорь Николаевич. Родился в 1970 году в городе Канаш, в Чувашии. В настоящий момент живу там же. Большую часть жизни связан с образованием. В 1997 году окончил университет по специальности «Историк», с 1994 года работал в школе, потом в колледже. С 2003 в системе высшего образования. Прошел практически все ступени: от учителя до заместителя директора филиала института. С поэзией отношения были довольно сложными. Первые

стихи написал в 3 классе. Потом до окончания школы практически ничего не писал, за исключением, пожалуй, поздравительных стихов и пародий. Юношеский всплеск интереса к стихам возник во время учебы в университете. Тогда же были первые попытки писать что-то серьезное в прозе.

Вдумчивое и более осознанное отношение к поэзии стало формироваться уже в зрелом возрасте. Поэтому поэзия из простого увлечения стала превращаться в образ мышления и жизни. Не скажу, что постоянно мыслю стихами, но чаще бывает легче выразить мысли именно в стихотворной форме. Бороться с этим сложно, поэтому, чтобы стихи были доступны и понятны читателю, стараюсь изучать «матчасть». Профессиональная деятельность – тоже своего рода увлечение, кроме того, знание истории позволяет расширить тематику стихов и прозы. Поэтические конкурсы – не самоцель, а скорее, попытка взглянуть на свое творчество глазами критиков, читателей и профессиональных литераторов. Они помогают иногда спуститься с вершины и переосмыслить свои «достижения».

Петербургские встречи

Мечты

Город спал. Одинокие плыли прохожие,
Но не спал озорной и хмельной от любви этой май.
Соловьи. Их услышав, дома будто ожили.
Прозвенел, приглашая, и утренний первый трамвай.
Шла она босиком по поребрикам. Весело
Ей рассказывал ветер о странствиях и кораблях,
Вдоль по улице свечи каштаны развесили,
Поболтать приглашала Нева, возбужденно бурля.
– Ты о чём? – Промелькнули далёкие образы,
А она засмеялась, с рекою и ветром на ты.
– Я мечтаю, мечты для меня словно компасы.
И кивнули согласно поднятые руки-мосты.
– Мне сейчас на Фонтанке, представьте, у Чижика,
Подарили цветы и ещё подарили весну,
Чуть смешной, застенялся, он – солнечно-рыженький,
Ну и как же теперь, подскажите, вот как мне заснуть?
Город спал. И дома замечтались, и улицы,
И девчонка с букетом цветов и туфлями в руках.
Утро Питера тоже мечтало не хмуриться,
А мечты улетели, их ангел собрал в облаках.

2017

Бродский

Депрессивный Бродский,
Томик на подушке.
Фото, вид неброский,
Мятая подружка.
Вечер в стиле ретро
Был вчера намечен,
Рифмы километры,
Поцелуи в плечи.
Ты смеялась громко
В тот закат весенний,
Крыш блестели кромки,
Под вино – Есенин.
Канул шар за крыши,
Нож в бифштекс был вóткнут,
Юбка чуть повыше,
А под Блока – водка.
Край чулка и пальцы,
Маяковский вспышкой,
Руки в парном танце.
Страсть пошла с одышкой.
Звезды, шепот: ниже.
Вечер рифмой соткан.
Месяц спины лижет.

Снова Блок и водка.
Утро и бессилье
От любви, от плотской
Хватит ретро-стиля.
Питер. Двушка. Бродский.

2017

У «Бродячей собаки»

У «Бродячей собаки» толпа,
Пьяный смех поглотил туман,
Ночь калекою снова слепа,
И незрячие ждут дома.

Кто-то с криком: «Давай-ка ко мне!»
– В номера, – другой, – в номера,
Ночь слепа, и покоя ей нет,
И рассвету не умирать.

Бесшабашны слова и легки,
Рифмы с хохотом стекла бьют,
Рождены так, не в муках, стихи,
Под чарльстон и шипучий брют.

– Эй, извозчик, вези-ка скорей!
У «собаки» уставшей свист.
Мимо окон, аптек, фонарей,
Что ни личность – то скандалист.

Недовольные чайки кричат,
Ночь оглохла от каблуков,
От похмелья горячий чай
И осколки ночных стихов.

2017

Mon amour

Mon amour, без тебя тоскливо,
В письмах часто сквозит печаль,
Мне хотелось бы быть счастливой,
Ты... я знаю, не отвечай.

Мне февраль не дает покоя,
Что-то выужит, сквозит в душе,
Платье модного нынче кроя,
А как будто бы – неглиже.

Наши девочки стали старше,
Mon ami, обо всем пиши,
Мне тревожно, всё марши, марши,
Ты застрял где-то там, в глуши.

Над Невой не летают птицы,
Сон приснился плохой вчера,
Черный ворон над всей столицей,
Вместо неба – одна дыра.

Ворон жертву как будто ищет,
Люди в черном чеканят шаг,
И огромное пепелище,
Стало трудно совсем дышать.

Лед раскрошен, кругом провалы,
Сгинул старец в купели дней,
Только ворону мало, мало,
А рассвета всё нет и нет.

Мои амуры, протяни мне руку,
У иконки горит свеча,
Нам судьба принесла разлуку,
Ты... я знаю, не отвечай.

2017

Простая история

Это длинная история,
Не на пару, точно, слов,
Шиль углом, а там – «Астория»,
Всё как будто бы из снов.
Он шагал домой. Нечаянно
Был убит он парой глаз.
Встреча. Вроде бы, случайная,
Так судьба свести смогла.
В белом платье и в горошину
Та смеялась от души:
– Гостя я твоя, не прошена,
Расставаться не спеши.
Две косички, взгляд внимательный,
Только солнце там внутри.
– Будешь в Летнем обязательно,
На свиданье ровно в три.
Бум. Рассыпались горошины.
Летний. Страха пелена.
Так, ещё одна не прошена.
Не пришел он в три. Война.
Гимнастерка. Не сутулиться!
Маршем. Мост. Вокзал. Перрон.
Так и встретились на улице.
– Буду в три! – лишь крикнул он.
Гимнастерка. Пятна ржавые.

Медсестра. В глазах – печаль.
Шепчет только: «Я не жалею».
Крест – солдаты на плечах.
Черной смертью. Он с матросами.
Ленты с якорем в зубах.
Пули-дуры злыми осами
Норовят поймать. Труба...
Снег казался морем ласковым,
А на дне – её глаза.
Солнца нет. Прохладно. Пасмурно.
– Буду в три, – успел сказать.
Отгремели вёсны грозами.
Шла домой. В висках – пропал.
Сердце сковано морозами.
Летний. Шумная толпа.
Бум. Рассыпались горошины
Поцелуй. Не говори.
– Жив. Люблю. И помню прошлое:
как сказала, ровно в три.

«Летний сад, деревья в инее...»

Летний сад, деревья в инее.
На пороге Новый год.
Снега нет, и небо синее,
Где-то тучка далеко.
В белом платье и в горошину,
Сверху драп – ну, самый шик.
Тротуары припорошены.
Полдень. Женщина спешит.
И горох навстречу катится.
Смех девичий – дубль два.
Под пальто в горошек платьице,
Года три. Катюшей звать.
Папа сзади. В темном кителе,
Офицерская шинель.
Дочь. Счастливые родители.
Полдень смехом в тишине.
– В три поедем за игрушками.
Слово папы – да, закон.
А потом гулять с подружками.
В девять – ванна, сказка, сон.
Елку выбрали, красавица,
Завтра будут наряжать.
Кате звезды больше нравятся.
– Только ты не уезжай!
Дочь на руки. Эх, горошина!

– Вся в тебя, – шепнул отец.
– В детстве, да, картинка прошлого,
Всё, уснула, наконец.
Чай по чашкам. Счастье щурится.
Руки вместе. Хорошо.
Вся семья. И белым – улица.
Сыплет счастья порошок.

2017

Босой декабрь

Босой декабрь шагал по Ленинграду,
Был город мрачен, путник – неуклюж.
Дышалось будто в нижнем круге ада,
Луна тонула в ртутном блеске луж.
И декабрю шагал тогда навстречу
Неузнанный прохожими поэт.
Аптека. Ночь. Фонарь. Кричащий вечер.
По Блоку. Тьма. Свидетелей здесь нет.
Декабрь курил и кашлял. Было плохо.
И шла за ним косая, не спросясь.
Погасли рты уставших вусмерть окон.
Декабрь и дождь. Нелепейшая связь.
Курил поэт. Курил и кашлял тоже.
Он писем не писал ни декабрю,
Ни тем, кто после смерти резал кожу,
Стихи пытаюсь выцепить из рук.
Босой декабрь шагал. А в Ленинграде
Был мертв поэт, не кашлял, не курил.
У декабря он ночью был украден.
Проспект. Исаакий. Гаснут фонари...

По воде – водой

По воде – водой. Сердца стук.
Лужи. Отче наш. Амен! И
Осень как всегда на посту.
Ты меня не ждешь. Каменный.

Не часы, а дни. Поводы
Не придти совсем. Голосом
В трубку не молчишь. Проводы
Нелюбви. А жизнь – полосы.

Тишина. Стекло. Тысячу
«не люблю» свяжу спицами.
Говорю: не мой ты сейчас.
Улечу в февраль птицею.

Августин во снах. Делится:
Мудрость льёт и так – разное.
А проснусь: не жизнь – мельница.
Собираю вновь паззлы я.

По воде – водой. Город мой.
По стеклу дожди. Осенью.
Я жива, – пишу коротко.
А любовь, она – озимью.

2019

Утреннее

Дымкой серой неба крыша,
Где-то ниже – лужи, дождь.
Сердце – камнем. Нет, не дышишь.
Ничего совсем не ждешь.

Кофе стынет. Белой пенкой
Разрисована печаль.
Подгоревшей парой гренки.
Улыбнуться. Не кричать.

Старый Питер ждет трамваев.
Ты – пешком, недалеко.
Хмурясь, спросишь: так бывает?
Не ответит черный кот,

Выходя из подворотни.
Обойдешь, не поплевав.
Встанешь вдруг за поворотом
И забудешь все слова

Потому что солнце вышло,
И, смеясь, спешит трамвай.
Предлагает бабка вишню.
Улыбаешься: давай!

Вдоль домов. Теплеет камень.
Сумрак временный прошел.
Машешь городу руками:
Я вернулся. Хорошо!

2018

Питер. Ночное

Распутать ночь. В клубок на три четвертых
Смотать луну, за хвостик привязав,
Урочный час успения. Для мертвых
Пора теперь. Откройте им глаза.

Чуть за полночь. Уже намокли крыши,
Черны коты и больше не кричат.
Молчит луна. Да, мертвые не дышат.
Улыбка их – безумия печать.

Не тени по забвению. Не слышно
По питерским колодцам босиком
Они идут. Да, так же всё не дышат.
Гуляют. До рассвета далеко.

Вот тот – в косоворотке, без гармошки
Собаку гладит – ласковая тень.
Шуршит Нева, гранит стирая в крошку
И оставляя знаки на плите.

Другой отстал. Очки-велосипеды
От времени с налетом. Город спал.
А он хотел побегать. Просто, в кедах.
Тянулся к окнам, стоя на носках.

Навстречу третий. Шаг и чаще, чаще.

Рука чесала место живота.

Трамвай прошел. Не тенью, настоящим.

Он весел был, и так захохотал

Что был разбужен старый, добрый Питер.

И время мертвых кануло в Неву,

Оставив на граните: не проспите!

Вернемся, даже если не зовут.

2018

Петербургская осень

Смех утонул в потоке грязной лжи.
В руках письмо – надорвано начало,
И что-то там тебе душа кричала,
А ты шептала: «главное, что жив».

Там, за окном, наброском Петербург,
Средь серых крыш снуют в тумане птицы,
Дождлива осень во второй столице,
И люди – всё бегут, бегут, бегут...

А ты стоишь и чертишь на окне
Квадрат и круг. Отдельно, нет, не вместе,
И знаешь: никаких не будет «если»,
Не будет «да», а будет только «нет».

А город жил, эскизно, не спеша,
Осенние размазывая краски,
Он ненавидел грим и эти маски,
Тебя он слушал молча, не дыша.

Смех утонул, и эхо, подустав,
В окно скатилось, чтобы раствориться,
Но вдруг вернулось с криком: ты же птица!
Начни сегодня с чистого листа!

Твой силуэт художник набросал,
Когда в окно напротив взгляд свой бросил,
По Петербургу шла босая осень,
А ты, смеясь, летела в небесах.

2018

Подоконники

Это было. На небе в который раз
Облака рисовали коников,
Заглушая обрывки избитых фраз,
Громко плакали подоконники.
В Малой Невке от горя топился лист,
Пожелтевший от одиночества,
Звуки блюза из воздуха родились,
И звала ты меня по отчеству.
Нет, не слышал тебя разведенный мост,
По губам: «не люблю я осени»,
В трубку свернут и не дописан холст,
И щенка в подворотне бросили.
Пальцы – пальцами, рук совсем не разжать,
Три пролета и окна битые,
Немы, немые, любовью по этажам,
Только крыши нам были арбитрами.
Осень – в прошлом. По Невскому: шире шаг,
С неба важно кивают слоники,
Улыбаясь, баюкаешь малыша,
И смеются нам подоконники.

Тишина в Петербурге

Души шепчутся. Осень курится.
Воздух кончился будто. Весь.
Тишина в Петербурге. Улицы.
Подворотнями бродит бес.

Кошки черные. Души белые.
Рифма к рифме – как тот кирпич.
А от беса – не строчкой, мелом бы.
У Манежа торгуют. Кич.

Души шепчутся. Богу – богово.
Тени-образы, строчки в ряд.
Бесы щурятся, бесы в логове.
Всё торгуются. Только зря.

Ворон ворону глаз не выклюет.
Дьявол богово не возьмёт.
Город из ночи плавно выплывет.
Тишина вокруг словно мёд.

Души шепчутся. Осень курится.
И поэтов шагает рать:
Строем души идут по улицам,
Петербургу стихи отдать.

2018

Падал день

Падал день в развёрстый сумрак ночи.
Замерзали тихо фонари.
Мне цыганка встречу напорочит,
Не сегодня. Завтра. До зари.
Будет это в той, за-прошлой жизни.
Снег пойдет. А в полночь рухнет мир.
Слепит свет луны, разбитый призмой.
Окна. Тишина немых квартир.
По Почтамтской (нет, Союза Связи)
Строй за строем, только шире шаг.
Снег пойдет. Не будет больше грязи.
Строй за строем. Все на фронт спешат.
Ленинград закашляет, и ниткой
Кровь пойдет, стекая в свежий снег.
Ленинград закашляет. Зенитки.
Не сегодня. Словно бы во сне.
Падал день, а снега было мало.
Сто чернушки, крошки тоже в рот.
Мне цыганка жизни нагадала
Лет на сто. Полуторка и фронт.
Спит Кронштадт в пол-ока где-то справа.
Слепит свет. Совсем недолго. Миг.
Небо неестественно дыряво.
Полночь. Снег пошел. И рухнул мир.
Петербург не кашлял утром ранним.

Солнце свой отмерило лимит.
В той, за-прошлой жизни, не был ранен.
Артобстрел. Не понял, но убит.
Голуби за горстью хлебных крошек
Прилетели. Дворник колет лёд.
Снегом он сегодня припорошен.
Память тихим эхом. Не умрёт.
Снова день бредет, уставший, к ночи.
В фонарях искрится свежий снег.
Мне цыганка жизнь мою пророчит
Лет на сто. Сегодня. Как во сне.

2019

Свечи плачут

Свечи плачут, а тени смеются,
Тишина разрывается в клочья,
Ночь тоску разливает по блюдцам,
Ветер больше не воеет – хохочет.
Красный угол, но скрыты иконы,
Ты мне шепчешь, и слушают мыши
Твои руки, и тени, что стонут,
Бог за тучами тоже услышит.
Стук настойчивый раненых веток,
Всё как с нами, почти человечно.
Ветер крикнет в рассвет напоследок.
Петербург, и за окнами вечность.

2019

Эклектика

Время расколото наполовину,
Город в сомнениях плотно увяз,
Он – Ленинбург, не порвешь пуповину,
Улица, дама, в руке «Голуаз».
Полу-прострация, полу-немое,
Тучи по лужам ползут на восток,
Город измучен, на Балтику воем,
В море сползая под висельный стон.
Тени в цилиндрах в полУночном свете,
Фото – не фото, обычный монтаж,
С Троцкого тенью беседует ветер,
Чисто еврейски опять: дашь на дашь.
Время расколото, плаваются свечи,
Всё – декорации, новый спектакль,
Вечер, Морская, но «Счастье» не лечит,
Что-то в пространстве сложилось не так.
Сломаны стрелки, и линии гнутся,
Тени грифонов разводят мосты,
«Счастье», Морская, две чашки на блюдцах,
Дым, «Голуаз», чай зеленый остыл.
Время расколото, где-то в подвале
Тени и тайны, что тени хранят
Серым туманом, узнаем едва ли,
Нем Петербург, и молчит Ленинград.

2019

Чат

Разбитых сердец похоронные марши
На улицах громко звучат.
И Аннушка там, у прудов Патриарших,
Выходит со Всадником в чат.
Она не про масло и, нет – не от скуки,
Ей чуждо такое. Она
С завидным усердием преданной суки
Всё рвётся о счастье узнать
У Всадника с черно-червонным подбоем,
Там титло, «БГ» (это ник)
А ветер по улицам воет и воет,
Швыряя осенние дни.
Вздыхает угрюмо вторая столица
И выпивкой глушит тоску.

В Неве отражением грустные лица
И неба свинцовый лоскут.
Лишь птиц перелетных приветные крики
Не могут сердца не цеплять.
Пернатые в небо уносят безликих,
А осень считает цыплят.

Никто не кричит, и не бьются тарелки.

Разбитых сердец больше нет.

«БГ» пишет Аннушке: к счастью, мол, велкам,

В мой сад одиноких теней.

2019

Истории ушедших в облака

Москва-Питер-транзит

Вспоминая Есенина, его Муз и возлюбленных

Сыростью промозглой питерской,
Дождями супротив морозов на ветру,
По Невскому, к той маленькой кондитерской,
К тебе бегом – увидеть поутру.
Московской стужей душу вместе с пальцами
Мне прихватило.
Слышишь? Отогрей...
С тобой мы будем вечными скитальцами,
Тебя я буду ждать у тех дверей,
Что в рай ведут.
А мне, увы, напротив...

Растянуты годами расстояния,
И озимью любовь под коркой льда,
К чему нам эти встречи, расставания,
К чему нам пароходы, поезда,
Когда душой мы вместе, слышишь?
Чувствуешь?

Прорвать пространство, боль свернуть узлом,
Неспешно по Тверской —
сидишь в кондитерской,
Москва ли, Питер... Слишком много слов.

2011

Две чашки

Две чашки на столе и парой блюда,
Стул колченогий и на спинке шаль,
Всё замерло, здесь больше не смеются,
Окутывает горе не спеша...

И маятник застыл на полушаге,
Спугнуть боясь. Душа пришла, встречай.
Лишь шелест – лист летит бумаги.
Всё замерло. Родного нет плеча.

Две чашки, чай застыл. Я здесь, ты слышишь?
Глаза открой, не плачь, ведь я с тобой
Остался. Ну, подумаешь, чуть выше.
Ну, улыбнись. Пройдет и эта боль.

Глаза родные, ласковые руки,
И сердце бьется, слышишь? Наш малыш.
Он – это я. Не будет нам разлуки.
Поспи, родная. Баю-баю... Шшшш...

Там, где розовым – стаи фламинго

Вспоминая Николая Гумилёва

На пороге забытого рая стою,
Там, где розовым – стаи фламинго... и лев,
Абиссинские ночи волшебю поют,
Смуглокожих глотая воинственных дев.

Не берусь, не сужу, кровь по камню к реке,
Там, где розовым – стаи фламинго... и всё,
Ветра след как волна на поющем песке,
Заунывный мотив в небеса унесёт.

Незнакома луна, да и звёзды не те,
Там, где розовым – стаи фламинго... и ты
Далеко-далеко, в городской суете,
Ну, а сердце – не терпит оно пустоты.

У тебя во дворе – петербургская ночь,
Там не ходят фламинго и нет смуглых дев,
Только грустно луна постучится в окно,
Отражаясь в пречёрной, холодной воде.

На пороге забытого рая стою,

Улетели фламинго на север теперь,
Я один, я у Африки жду на краю,
Чтоб отправиться морем, родная, к тебе.

2014

Я приду к тебе нечаянно

Я приду к тебе нечаянно
На рассвете, босиком,
Пусть уходит ночь печальная,
Пусть туманы молоком.

Я приду непозабывая
Через версты и песок,
Расстоянье было пыткой,
Расставанье – просто сон.

Улыбнешься сну доверчиво,
Снова Африка, восток,
Ревность девой гуттаперчевой
Больно просится в висок.

Ты опять далёко, в мареве,
В окруженье смуглых дев,
И глаза бесстыже-карие
Отражаются в воде.

Ты проснешься – край березовый,
Рядом буду, у окна,
Клин фламинго в небе, розовый,
И уходит спать луна.

2014

Поэту

И через тысячи зеркал,
Сквозь тень луны за поднебесье,
Стекала времени река,
Он шёл вперед, не пьян, но весел.

И после жизни день-деньской,
Назло врагам и светским клушам,
Ему неведом был покой,
Он бередил чужие души.

Будил весну, осенний день
В охапку брал, играя словом,
Он в людях разглядел людей,
И в день шагал, далекий, новый.

Светила бледная луна,
Сгорал в закате летний вечер,
Он выпил жизнь и смерть до дна,
И на помин горели свечи.

Хандрил, любил, имея дар
И словом призывая к свету,
Ушёл с улыбкой, с тихим «да!»,
Всё потому, что был Поэтом.

2015

Голоса

Памяти Ники Турбиной

Голоса в тишине, голоса.
Под луной крик души растревоженной.
Над землей облаков паруса.
Тень в углу, смотрит кот настороженно.

Две строки, нервно пальцы дрожат.
Подоконник, и ноги на улице.
Тени вены секут без ножа.
Две строки, поперхнулась, не курится.

Каплей дождь по щеке, не слеза.
И сорочки атласное кружево.
Подоконник, вперед – не назад.
Тени рядом, на сердце – завьюжило.

Неспокойно. Закрыто окно.
Плечи девичьи в отсвете тающем.
Голоса в полулунную ночь
Так и шепчут: ты та ещё, та ещё.

Кот в ногах, и часы: тик да так,
Неспокойная, хмурится, мечется.

Голоса в тишине, маета.
Буквы, рифмы, такое – не лечится.

Черновик недописанный, но
Подоконник, и ноги на улице,
Вермут, влитый в бессонную ночь,
Снова строки, и снова – не курится.

Кот запрыгнул – постой, не грусти,
Расплетая подлунное кружево.
Несвободу свою отпусти,
Что так душу и сердце завьюжила.

Тихий вскрик под осколком зари.
Без ножа, руки-крылья, на улице.
Не оттаяла, лёд изнутри.
Черновик не дописан. Не курится...

2015

Одна

(Цветаевой)

В разломе из эпох
Душа моя гудит,
Потерян где-то Бог,
Туманы впереди.
Нет, не шалит февраль
Позёмкой у крыльца,
Всё призрачно – вуаль,
И не видать лица.
Мне осень поперек,
Я – птица без крыла,
В твоих глазах – упрек,
Читается – была.
И в небо путь закрыт,
Булыжники – грехи,
И плакать – так навзрыд,
Из слез моих – стихи.
Мне птицы не поют,
Я выпита до дна,
Найдите мне приют,
Одна во тьме, одна.

Стучалось солнце

Вспоминая Ахматову

Стучалось солнце в искомую дверь,
Блестела крыша, дождь прошел, играя,
И кошки разговаривали две,
А рядом ты, тихонько, скромно, с краю.

Мне глаз твоих не видеть уж, увы,
Сквозь решето из буквенных отверстий,
Под гомон ненавидящей Москвы
И дикий шабаш злоразумных бестий.

Листы летели, день уже зачат,
А слезы растворились в Малой Невке,
От бессердечия, Господь, мне дай врача,
Судьбу не уподобь распутной девке.

Разорванной, покоя нет совсем,
Молчишь теперь, не здесь твоя обитель.
Следа не оставляешь по росе,
И вот, сидишь, смотря на старый Питер.

Светило что-то шепчет невпопад,
Нева притихла в сумраке рассвета,

Я снова здесь, а ты опять пропал,
Оставив мне лишь дуновение ветра.

По гулким подворотням бродит тень,
Скажи мне откровенно: не моя ли?
Проснуться сложно. Завтрак на плите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.